

УДК 165.41

**ТРЕБОВАНИЕ БЕСПРИСТРАСТНОСТИ И СЦИЕНТИЗМ
КАК ЕГО ПРЕДПОСЫЛКА (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИЙ
А.А. ЗИНОВЬЕВА, Л. КОУД И П. ФЕЙЕРАБЕНДА)**

Муртазин Салават Раисович

аспирант,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

e-mail: murtazin.salawat2013@yandex.ru,

Казань

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению идеала беспристрастности, который, с точки зрения А.А. Зиновьева, является важной компонентой научного подхода. Выдвигается предположение о том, что само требование беспристрастности может рассматриваться как результат влияния сциентизма. Для обоснования данного предположения автор обращается к концепциям «социального воображаемого» Л. Коуд и К. Касториадиса, критике науки со стороны П. Фейерабенда, а также к описанию идеологии и идеологического мышления, которое даёт сам А.А. Зиновьев. Сциентизм, во-первых, является неотъемлемой частью «социального воображаемого» западных обществ и, во-вторых, имеет схожие с идеологией и идеологическим мышлением черты. Автор считает, что основная проблема заключается не в пристрастности или непоследовательности А.А. Зиновьева, но в том, что исследователи не могут быть полностью беспристрастными. Одним из возможных её решений могут оказаться не попытки отрицать или скрыть подобного рода пристрастность, но признание собственной пристрастности, а также стремление к пониманию пристрастности другого.

Ключевые слова: наука, сциентизм, субъект, идеология, образование, экологическое мышление, социальное воображаемое

THE REQUIREMENT OF IMPARTIALITY AND SCIENTISM AS ITS PREREQUISITE (ON THE EXAMPLE OF A. A. ZINOVIEV, L. CODE AND P. FEYERABEND'S CONCEPTS)

*Murtazin S. R.,
graduate student of Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan*

Abstract

The article is devoted to an investigation of the ideal of impartiality, which, from the point of view of A.A. Zinoviev, is an important component of the scientific approach. It suggests that the very demand for impartiality can be seen as a result of the influence of scientism. To substantiate this assumption, the author refers to the concepts of the "social imaginary" of L. Code and C. Castoriadis, the critique of science by P. Feyerabend, as well as to the description of ideology and ideological thinking given by A.A. Zinoviev himself. Scientism, first, is an integral part of the social imaginary of Western societies, and, second, has similar features to ideology and ideological thinking. In this regard, the author believes that the main problem lies not in the partiality or inconsistency of A.A. Zinoviev, but in the fact that researchers cannot be completely unbiased. One possible solution is not to try to deny or conceal this kind of partiality, but to acknowledge one's own partiality as well as to seek to understand the partiality of others.

Keywords: science, scientism, subject, ideology, education, ecological thinking, social imaginary

Одним из трудов А.А. Зиновьева, сочетающих в себе его разработки в области логики и в области социальной философии, является «Фактор понимания». В его рамках автор демонстрирует читателю собственный подход, который обозначает как «логическую социологию». В данной статье мы сделаем акцент на одном конкретном аспекте этой теории, а именно на ключевых особенностях, присущих, по мнению мыслителя, научному методу. В качестве одной из подобных особенностей автор называет беспристрастность. Как не трудно догадаться, последняя понимается, как «познание объектов такими, какими они являются сами по себе, независимо от симпатий и антипатий исследователя к ним и не считаясь с тем, служат результаты исследования интересам каких-то категорий людей или нет» [1, с. 128]. Многие авторы также

рассматривали и рассматривают беспристрастность как немаловажную компоненту научного познания. Например, о беспристрастности как об отличительной черте учёного пишет в своей статье «Этика науки» А.А. Гусейнов [2, с. 106], а Т. Николс в своей работе «Смерть экспертизы» обозначает её как качество, важное для эксперта [3, с. 107], тесно связывая между собой экспертизу и научное знание.

Но почему мы решили акцентировать внимание именно на этом аспекте столь объемной и комплексной теории, как «Фактор понимания» Зиновьева? Мы могли бы ограничиться тем, что усомнились бы в беспристрастности самого Зиновьева, например, в рамках оценки им западного, советского и постсоветского обществ, интерпретации определённых исторических событий и т. д. Однако, как нам представляется, здесь скрывается куда более серьёзная и интересная философская проблема: не является ли декларация о беспристрастности как необходимой компоненте познавательной деятельности, в том числе познания человека и общества, сама по себе проявлением определённого рода пристрастности? Один из возможных ответов на этот вопрос мы можем обнаружить в труде известного среди эпистемологов автора Л. Коуда «Экологическое мышление: Политика эпистемического расположения» («Ecological Thinking: The Politics of Epistemic Location»). Эта книга примечательна для нас тем, что, в рамках «ортодоксальной англо-американской эпистемологии», рассматривает беспристрастность не просто в качестве идеала научного знания, но и как неотъемлемую часть образа (идеального) знатока и эпистемического агента. В пределах названной концепции мы можем проследить связь этой, казалось бы, локальной философской традиции с идеалами научного познания, которые уже затруднительно обозначить в качестве исключительно «англо-американских».

Но что может их объединять? Коуд обращается к рассмотрению такого феномена, как «социальное воображаемое» (social imaginary), опираясь на труд «Воображаемое установление общества» другого автора, французского философа К. Касториадиса [4]. Она определяет воображаемое как «часто неявные ... системы значений, метафор и взаимосвязанных объяснений-ожиданий, в рамках которых люди в конкретные периоды времени и в [конкретных] географических и культурных условиях реализуют свое знание и субъективность и формулируют понимание себя как знатоков – как создателей, слушателей, критиков, бенефициаров и/или потребителей экспертного и повседневного знания» [5, Р. 224]. При этом, как утверждает сам Касториадис в другой своей

работе, «воображаемое» не может рассматриваться как нечто нереальное или фиктивное, так как именно благодаря воображаемому «"реальность" существует для нас – существует без всяких сомнений – и существует в том виде, в каком она существует» [6, Р. 138]. Говоря кратко, воображаемое связано с процессом самоорганизации общества и встраивания этого общества в окружающий мир, чему служат и такие, упомянутые выше, элементы, как нормативные значения, обычаи, ожидания, ценности, запреты и разрешения и т. д.

Однако может возникнуть вопрос: причём тут наука, эпистемология и Зиновьев? Дело в том, что, с точки зрения Коуд, идеал эпистемического агента (в рамках эпистемологии) и ученого (в рамках научного познания), в частности, в качестве беспристрастного, безликого, бесконечно воспроизводимого познающего субъекта, вооружённого безупречным универсальным познавательным инструментарием, будь то логика и/или научный метод, который, помимо всего прочего, позволяет ему «из ниоткуда» увидеть истины, доступные лишь подготовленному разуму, является неотъемлемой частью господствующего в западном обществе социального воображаемого. И именно это воображаемое, для которого характерно почитание мастерства, эффективности и контроля, является тем мировоззренческим фундаментом, опираясь на который наука прочно и безоговорочно занимает своё почётное место в ряду других форм эпистемических практик. Эти практики, в свою очередь, нередко оцениваются именно с точки зрения их соответствия стандартам и идеалам научного познания. За следование этим стандартам и идеалам Коуд критикует ортодоксальные (англо-американские) эпистемологии. При этом следует отметить, что как минимум отчасти некоторые выдвигаемые ею идеи созвучны тем, о которых ещё в начале XX-го века писал Н.А. Бердяев. В своём известном труде «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» [7] он настаивает на необходимости сохранения независимости философии от науки и религии, в том числе из-за того, что ориентация на естественные науки может в значительной мере исказить её взор на человека и человеческое, на процесс познания.

В связи с вышесказанным, мы не можем не упомянуть другого известного автора, П. Фейерабенда, и его труд «Против метода». Несмотря на то, что автор критикует саму науку, называя её формой идеологии, мы считаем, что написанное им в большей степени затрагивает не столько научный метод сам по себе, сколько статус и авторитет, которыми его наделяют и для обозначения которых может быть

использовано уже давно известное понятие – сциентизм. Фейерабенд высказывает недовольство тем, что именно научный взгляд на мир ретранслируется в рамках системы образования как нечто само собой разумеющееся, в то время как другие формы эпистемических практик преподносятся, в лучшем случае, в качестве его несовершенной и примитивной предтечи. Одним из немаловажных следствий этого является то, что образ мира, созданный наукой, начинает восприниматься некритически, как подлинный и самый точный образ окружающего мира, а это, в свою очередь, способствует оправданию претензий науки на особое положение среди других форм эпистемических практик.

Критика Фейерабендом научного мировоззрения, его поддержки и насаждения с помощью системы образования в немалой степени пересекается с тем, что А. Зиновьев пишет об идеологии и идеологическом мышлении. Философ утверждает, что главной целью идеологов является «научить и приучить людей ... тому, как люди должны видеть бытие, что пропускать в свое сознание из того, с чем им приходится сталкиваться, и в каком виде» [1, с. 312]. Заявления о беспристрастности и объективности при этом, как показывает практика, являются одним из немаловажных и эффективных средств достижения такой цели. По сути, именно это и делает система образования, преподнося взгляд физики, биологии, химии и т.д. на окружающий мир как единственный адекватный подход к его познанию. Более того, в какой-то мере это пытаются сделать и сам Зиновьев, поэтапно выстраивая свой подход от элементарных понятий логики и методологии науки к исследованию и оценке различных форм человеческих обществ, а также исторических событий, связанных с их становлением, возвышением или упадком, фактически используя научность в качестве дополнительного довода в пользу своей точки зрения.

Если мы допустим, что сциентизм действительно является идеологией, то у нас есть все основания утверждать, что он является самой успешной идеологией. Во-первых, сциентизм не воспринимается большинством как идеология, что, например, проявляется в противопоставлении тем же Зиновьевым не только науки, но и собственной, явно сциентистской, позиции идеологическому мышлению, в том числе посредством обвинения в идеологической ангажированности альтернативных подходов. Во-вторых, провозглашаемая беспристрастность науки позволяет ей не просто позиционировать себя как единственный источник достоверных знаний о мире и человеке, но также выступать «справедливым» судьёй по отношению к другим идеологиям, что мы можем

обнаружить у того же Зиновьева. Или, говоря словами Фейерабенда, «если наука нашла метод, превращающий зараженные идеологией мысли в истинные и полезные теории, то она действительно является не просто идеологией, а объективной мерой всех идеологий» [8, с. 312].

Однако, как мы убеждены, главный вывод, который следует сделать из всего вышесказанного, не может быть сведён к банальному обвинению Зиновьева в непоследовательности. Сама непоследовательность такого рода говорит нам о важной стороне познавательной деятельности, которая нередко игнорируется как на уровне теории (гносеологии и эпистемологии), так и на уровне практики (некритичного принятия и пропаганды идеалов научного познания). Познающий субъект, будь то человек или целая группа, в принципе не может быть полностью беспристрастным, на его суждения неизбежно будет оказывать влияние множество факторов, большинство из которых тесно связано с господствующим в том или ином обществе в тот или иной промежуток времени социальным воображаемым. И, как утверждает Коуд, попытки отрицать такую пристрастность ведут не к её устранению, но лишь к её маскировке. Разумнее было бы предположить, что альтернативой сциентизму, например, того же Зиновьева, мог бы стать не «по-настоящему беспристрастный» подход, но тот, который мог бы осознать свою пристрастность, свою укоренённость в конкретной (эпистемической) среде, свои границы, а также с уважением и пониманием отнестись к пристрастности, укоренённости и границам другого, т. е. подход, близкий к тому, что сама Коуд обозначает как «экологическое мышление».

Литература

1. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания / А.А. Зиновьев. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. – 528 с.
2. *Гусейнов А.А.* Этика науки / А.А. Гусейнов // Ведомости прикладной этики. – 2017. – № 50. – С. 103–116.
3. *Николс Т.* Смерть экспертизы: как интернет убивает научное знание / Т. Николс; пер. с англ. Т.Л. Платоновой. – М.: Эксмо, 2019. – 368 с.
4. *Касториадис К.* Воображаемое установление общества / К. Касториадис; пер. с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. – М.: Гнозис; Логос, 2003. – 480 с.
5. *Code L.* Ecological Thinking: The Politics of Epistemic Location. – N.Y.: Oxford University Press, 2006. – 322 p.

6. *Castoriadis C. Radical imagination and the social instituting imaginary / C. Castoriadis // Rethinking Imagination: Culture and Creativity / ed. by G. Robinson, J. Rundell. – London: Routledge, 1994. – 322 p.*

7. *Бердяев Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. – Париж: Современные записки, 1931. – 135 с.*

8. *Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд; пер. с англ. А.Л. Никифорова. – М.: АСТ; Хранитель, 2007. – 413 с.*